

УДК 913.1+316.334.5

В. Г. Шведов, А.Б. Волынчук

ОСВОЕНИЕ БАССЕЙНА АМУРА В ВЕРХНЕМ НЕОЛИТЕ – ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассмотрены географические предпосылки формирования аборигенной системы освоения бассейна Амура в верхнем неолите. На этой основе выделена Амурская ресурсно-освоенческая область и ресурсно-освоенческие районы. Даны характеристики их хозяйственной специализации.

Ключевые слова: Неолит, аборигены, Амур, ресурсно-освоенческая область, ресурсно-освоенческие районы, хозяйственный уклад.

Shvedov V.G, Volynchuk A.B. Mastering of the Amur basin in the upper Neolithic-territorial aspect

The geographical issues of forming of native economy in Amur basin at upper-neolithic time are considered. On this basis, it was possible to single out the Amur resource-development region and its territorial districts. They economical specialization are given of characteristics.

Key words: Neolith, aborigenes, Amur, resource-mastering region, resource-mastering area, economic order.

В течение нескольких последних тысячелетий основным источником причин перемен в природной среде стал процесс хозяйственного освоения территорий. А поскольку он протекает не только в пространстве, но и во времени, определённый интерес представляет изучение ранних этапов освоенческой деятельности в пределах того или иного региона¹. При этом исследования могут вестись в двух аспектах. Один из них – временной. С его помощью вскрываются причинно-следственные связи в логике освоения определённых земель, выявляются общие закономерности последнего, его этапность и характер преемственности. Другой аспект связан с пространственными категориями. Он позволяет всесторонне восстановить состояние территории на конкретный момент времени и детализировать в выделенных границах реконструкцию рассматриваемого явления. Оба эти приёма ис-

¹ - Ишмуратов, 1995.

пользованы при выделении в верхнем неолите бассейна Амура одноименной ресурсно-освоенческой области.

Под ресурсно-освоенческой областью (РОО) следует понимать относительно устойчивую во времени территорию, которая отличается преобладающим типом хозяйственного освоения и внутренней спецификой вовлечённых в этот процесс социо-природных систем¹.

В реконструированных рубежах Амурская РОО охватывала большую часть бассейна Амура от слияния Шилки и Аргуни до его устья, включая бассейны всех его притоков². Почти весь контур этого образования представлен либо чёткими орографическими барьерами (Становой хребет, Становое нагорье, Большой Хинган, Восточно-Маньчжурские горы), либо береговой линией Японского и Охотского морей, Татарского пролива. Это обусловило относительную изолированность области от окружающего географического пространства. В древности такое обстоятельство имело большое значение, поскольку ярко выраженные природные рубежи разделяли тогда не только хорошо отличимые друг от друга естественные образования, но и адаптированные к их условиям социумы.

«Центральным стержнем» Амурской РОО являлась разветвлённая речная система Амура. Она в значительной мере обусловила своеобразие местных рельефа и ландшафтов, а так же - оказала разностороннее организующее влияние на жизнь и деятельность живших здесь человеческих сообществ³. Согласно древним китайским трактатам, с «незапамятных времён» к северу от Поднебесной империи проживали варвары «сушень»⁴. Опираясь на мнение А.П. Окладникова⁵, мы отождествляем их с верхненеолитическим населением бассейна Амура, и предлагаем рассмотреть присущие для данного времени особенности освоения данной территории.

Освоенческая деятельность неолитических сообществ обладала характерными особенностями:

- органично сочетать производящую хозяйственную деятельность с присваивающей;
- максимальным стремлением «вписать» это сочетание в задающие рамки природных условий своего места проживания.

Первоначально это объяснялось высокой степенью зависимости первобытного человека от окружающей среды. Но затем данное явление определялось уже тем, что ранние социумы вырабатывали оптимальную систе-

¹ - Рюмин, 1998.

² - Шведов, Волынчук, 2006.

³ - Маккиндер, по изд. 1996.

⁴ - Бичурин, по изд. 1950.

⁵ - Окладников, 1959.

му жизнеобеспечения (следовательно – выживания) в условиях привычного природного окружения. В данной связи отметим те главные компоненты, которые изначально формировали хозяйственную специализацию аборигенов Амурской РОО в верхнем неолите.

Над данной территорией взаимодействуют три типа воздушных масс: арктические, умеренные и тропические, что обусловило преобладание в области неустойчивого погодного режима. Приспосабливаясь к этому климатическому своеобразию, местный флористический комплекс генерировал значительное число эндемичных видов растений. Многие из них, в первую очередь – злаки, подверглись в неолите окультуриванию – гаолян, чумиза, пайза, мышей, гречиха, а из бобовых – соя. Высокой урожайностью они не отличались, зато обладали особой устойчивостью к частым и резким перепадам местного климата.

Начало мотыжной обработки почвы в бассейне Амура датируется VI тысячелетием до НЭ. Автохтонность его происхождения доказана археологически¹. На важность земледелия указывает тот факт, что 85 % взятых из неолитического культурного слоя проб почвы содержат споры и пыльцу культурных злаков². Иных следов культурных растений не обнаружено. Очевидно, их отсутствие восполнялось сбором дикоросов.

Своеобразна структура присущего для этого времени животноводства. В обнаруженной возле сушеньских посёлков остеомассе, из костей одомашненных видов, резко преобладают останки свиней и собак. Находки крупного рогатого скота редки, лошадей – единичны, овец, коз, домашней птицы – отсутствуют. Т.о., неолитическое животноводство в Амурской РОО имело «усечённый» характер. Это объясняется тем, что жители области имели иной, стабильный и достаточный источник животного белка.

Каждой осенью на Амуре начинается ход лососёвых, которые ранее поднимались вверх по его течению на 2 тыс. км с заходом во все без исключения притоки. Затем открывался нерестовый ход осетровых, и, в завершение – чистяковых рыб. В неолите это время года было для аборигенов сезон массовый путины, когда они на целый год вперёд запасались высококалорийным, обладающим противоцинготными свойствами, продовольствием. По расчётным оценкам, за один сезон неолитические рыбаки вылавливали до 100 тыс. т. одной лишь кеты³. Их путинный промысел оставил после себя огромное количество артефактов – от предметов лова рыбы (крючки, грузила для сетей) до оборудования для её заготовки (ёмкости для хранения икры, следы зданий коптилен и т.д.). Т.о., значение Амура для аборигенов бы-

¹ - Бродянский, 1987.

² - Деревянко, 1976.

³ Деревянко, 1976

ло столь велико, что даже его современное название представляет собой трансформацию древнего словосочетания «Маа-Мур» - Мать-река.

В своё время И.А. Витвером было сформировано понятие о речных культурах¹, основой зарождения и существования которых служил особый хозяйственный уклад, базировавшийся на освоении ресурсного потенциала как самой реки, так и образованного ею ландшафтного комплекса. В этой связи можно утверждать, что сушениями была создана уникальная культура, основой которой стало равновесное сочетание земледелия и путинного рыболовецкого промысла. В подобной пропорции эти хозяйственные занятия среди древних культур нигде в мире не встречались.

Амурская РОО представляла собой обширное образование. Это обусловило внутреннюю вариативность присущего ей главного, рыболовецко-земледельческого, хозяйственного комплекса. На основе его локальных трансформаций в пределах области можно выделить ресурсно-освоенческие районы (РОР) – крупные территориальные сектора, каждый из которых отличался собственной, достаточно чётко выраженной спецификой.

Средне-Амурский район занимал расположенную в пределах трёхречья Амур – Зея – Бурея одноимённую равнину, простираясь на юг до низовий Сунгари и на юго-восток до устья Уссури. С севера и запада его ограничивали внешние горные рубежи области.

Здесь рыболовецко-земледельческий хозяйственный уклад представлял в классическом варианте. Об этом свидетельствует примерно равное соотношение двух видов формирующих артефактов, типов хозяйственных построек, данные споро-пыльцевого анализа почвы, а так же – преобладание (в пропорции 3:1) рыбьих костей над останками других животных в остемассе кухонных отбросов². Иные хозяйственные занятия (охота, собирательство, животноводство), судя по всему, имели вспомогательный характер и зависели от основных. К примеру, зимний откорм свиней вёлся заготовленной в путину рыбой.

Сунгарийский район располагался на юге области, включая в себя равнину Дунбэй, Восточно-Маньчжурские горы и междуречье Сунгари – Уссури. Его климатические условия отличались большей мягкостью, а почвы – плодородием. Нерестовый ход рыбы здесь был на два порядка слабее, чем по основному амурскому руслу и его северным притокам. Поэтому здешние племена более тяготели к земледелию, нежели рыболовству.

В пользу этого свидетельствует преобладание орудий обработки земли и сбора урожая, обнаруженные следы частых палов. Оценочная числен-

¹ - Витвер, 1963.

² - Деревянко, 1976

ность населения в посёлках Сунгарийского района могла достигать 800 человек, тогда как в Среднем Приамурье не превышала 150 человек¹. Иными словами, если приамурские сунгари стремились рассосредоточиться вдоль нерестовых отрезков речного побережья, то их сунгарийские собратья концентрировали рабочую силу вокруг обрабатываемых полей.

Биоресурсное богатство южных ландшафтов обусловило сохранение в Сунгарийском районе значимость таких хозяйственных занятий, как охота и собирательство. Кухонные отбросы здешних поселений насыщены скорлупой орехов, косточками плодов дикорастущих растений, а общая остеомасса почти на 1/3 состоит из костей диких млекопитающих и птиц.

Обилие дубовых рощ позволяло откармливать на выпасе большие стада свиней, на которых приходится 50 % находок костей млекопитающих в кухонных отбросах. Роль этих животных в жизни сунгарийских сунгари была, видимо, столь велика, что они не представляли без них даже своего потустороннего существования. В погребениях рядовых общинников обнаруживается до 10 сопутствующих свиных скелетов; в могилах вождей – до тысячи².

Южно-Приморский район имел наименьшую площадь, размещаясь в прибрежной части Приханкайской равнины и простираясь от неё вдоль морского побережья до устья реки Туманной и Ольгинской бухты. Повышенная влажность этой территории создавала определённые трудности для земледелия. С одной стороны, термальный режим благоприятствовал его развитию, в результате чего в верхнем неолите распашке подверглось почти 1/4 площади выделенного района. Но с другой, здесь всегда существовала опасность вымокания урожая на корню. К этому следует добавить, что нерестовый ход имелся во всех местных реках. Однако поскольку те невелики, то и масса идущей по ним рыбы была относительно невелика.

Данные негативы заставили древних жителей Южно-Приморского района обратиться к иному источнику жизнеобеспечения – морепромыслу. Кухонные отбросы их приморских посёлков по преимуществу сформированы линзами раковин двустворчатых моллюсков. Довольно много этих специфических остатков обнаружено и в древних населённых пунктах на значительном (до 100-150 км) отдалении от берега моря, что, скорее всего, свидетельствует о продовольственном обмене излишками производимых продуктов питания. При этом отметим некоторые важные особенности.

Отсутствие в верхних слоях кухонных отбросов раковинных остатков моллюсков, обнаружение под водой каменных сооружений, похожих по планировке на современные морские садки, позволяют предполагать, что приморские сунгари перешли от простого собирания моллюсков к их разведению.

¹ Бродянский, 1987.

² Ларичев, 1980.

По мнению Д.Л. Бродянского, верхнеолитическое население Южного Приморья владело навыками разносторонней марикультуры, выращивая в искусственных условиях голотурий, придонные виды морских рыб, морскую капусту¹. Данное предположение не представляется невероятным, поскольку оно высказывалось другими авторами для соседних территорий – Кореи и Японии². Следовательно, рассмотренный район отличался в пределах Амурской РОО наибольшей оригинальностью своей хозяйственной специализации.

Северо-Восточный район вмещался в пределы бассейна Нижнего Амура – от современного Хабаровска, до Амурского лимана. На западе он простирался по горным системам до хребта Тукурингра; на юге – почти по всей центральной системе Сихотэ-Алиня, исключая её западные, южные и юго-восточные предгорья. Его территория отличалась наиболее суровыми в пределах области природно-климатическими условиями: сложным приподнятым рельефом, низкими среднегодовыми температурами, распространением многолетней мерзлоты, которые при неолитических технологиях практически исключали возможность обработки почвы. В районе найдены следы лишь отдельных очагов земледелия: близ современного Комсомольска, в устье Бикина, на Селемдже, Гилюе, восточном и западном склонах Сихотэ-Алиня.

Соответственно, для древних жителей района возросло значение рыболовства. В наше время мимо Хабаровска проходит до 60 % нерестящегося в Амуре лососёвого стада. Нет оснований полагать, что в верхнем неолите ситуация была иной. Путинный промысел на Нижнем Приамурье был самым богатым в Амурской РОО, что подтверждается обнаружением множества артефактов и следами преобладающего потребления рыбы в пищу³.

Важным хозяйственным подспорьем на этой территории служила охота. Но если в Сунгарийском районе её значимость обуславливалась обилием диких животных, то на Нижнем Амуре – острой необходимостью в разнообразии белкового питания. До 30 % остеомаксы кухонных отходов здесь сложено костями диких млекопитающих и птиц, уступая в этом отношении первенство лишь останкам рыб. Отмечено употребление в пищу рыси, волка, выдры, белки – зверей, которых южане для пропитания не добывали. Это свидетельствует, что охота на традиционные виды «мясных» животных (копытные, зайцы, пернатая дичь) была в Северо-Восточном районе занятием трудоёмким и не всегда успешным.

Животноводство здесь было представлено лишь разведением собак, которых, в том числе, тоже забивали на мясо.

¹ - Бродянский, 1987.

² - Попов, 1964.

³ - Окладников, 1983.

Итак, Северо-Восточный район, будучи наименее связанным с производящими формами хозяйствования первобытных людей, представлял собой своеобразный реликт прошлых эпох. В его неолитическом облике явно просматривались контуры более ранних форм освоения бассейна Амура.

Сложившийся в верхнем неолите в Амурской РОО хозяйственный фон сохранился вплоть до второй половины II тысячелетия НЭ. И это объясняется отнюдь не консерватизмом её жителей, а высокой степенью адаптации их занятий к условиям среды своего проживания. При этом обратим внимание на то, что система хозяйствования в области, сохраняя, в общих чертах, свою ранее приобретённую специализацию, достаточно гибко реагировала на разного рода внешние и внутренние перемены.

Когда на нижнем рубеже Новой эры изменения гидрологических условий Японского моря привели к сокращению численности моллюсков, древние жители Приморья достаточно оперативно переключились на возделывание риса – культуры, ранее для Амурской РОО не свойственной, но зато – устойчивой к переувлажнению.

В целом, земледелие в пределах области поступательно прогрессировало. Так, площадь обрабатываемых земель с начала III тысячелетия до НЭ к середине XVI века НЭ возросла в 15 раз. Технологическим новшеством стало внедрение плужной пахоты на гужевой тяге с использованием двух видов лемехов: тяжёлых – для целины и лёгких – для уже освоенных угодий. Кроме того, видовая номенклатура растениеводства существенно расширилась за счёт возделывания овощных и фруктовых культур.

Усилению роли земледелия не снизило значения путинного рыболовства, переживавшего в бассейне Амура своеобразную интенсификацию. Разумеется этот термин применён здесь условно, поскольку о рыбозаведении, как таковом, речь в данном случае не идёт. Но местные жители осуществляли комплекс мероприятий, направленных на сохранение и увеличение объёма нереста¹. Квоты добычи согласовывались между племенами. Во время хода рыбы организовывался её переброс через перекаты. Верховья малых нерестовых рек объявлялись священными местами, посещение которых без нужды запрещалось. Их русла расчищались от растительного опада, вокруг выбивались хищники, способные повлиять на сохранность оплодотворённой икры и мальков.

Т.о., аборигенный путинный промысел обратился с особую хозяйственную систему, которую ещё нельзя назвать производящей, но и ставить в один ряд с первичными формами присвоения готовых биоресурсов тоже не следует. Затраченные на этом направлении усилия полностью оправдыва-

¹ Лихатович, 2004.

лись. Об этом свидетельствует тот факт, что и в XIX в., когда аборигенное рыболовецкое хозяйствование уже пришло в упадок, но его результаты всё ещё имели инерционное проявление, ход лососёвых по Амуру мог остановить встречную лодку, а малые реки буквально запруживались нерестующейся рыбой¹.

Так, в общих чертах, выглядела заложенная в глубокой древности и прошедшая успешное испытание временем, картина хозяйственного освоения бассейна Амура его коренными жителями. И в настоящее время остаётся лишь сожалеть, что её богатый опыт остаётся по преимуществу, невостребованным, хотя очевидно, что отдельные его стороны заслуживают к себе определённого внимания.

Литература

1. Арсеньев В.К. Избранное. – Хабаровск: ХКИ, 1997. – Т. I.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1950. – Т. II.
3. Бродянский Д.Л. введение в археологию. – Владивосток: изд. ДВГУ, 1987.
4. Витвер И.А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. – М.: Географиз, 1963.
5. Деревянко А.И. Приамурье. I тысячелетие до нашей эры. – Новосибирск: Наука, 1976.
6. Ишмуратов Б.М. Современные аспекты территориальной организации природопользования / Традиционное природопользование эвенков. – Новосибирск: Наука, 1995.
7. Ларичев В.Е. Народы Дальнего востока в древности и Средние века и их роль в культурной и политической истории Восточной Азии / Дальний Восток и соседние территории в Средние века. – Новосибирск: Наука, 1980.
8. Лихатович Дж. Лосось без рек. – Владивосток: Дальний Восток, 2004.
9. Маккиндер Х. Геополитический стержень истории // Элементы. – 1996. - № 7. – С. 26-31.
10. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья. – Владивосток: ПКИ, 1959.
11. Окладников А.П. Древнее поселение Кондон. – Новосибирск: Наука, 1983.
12. Попов К.М. Древняя Япония, - М.: Мысль, 1964.
13. Рюмин В.В. Пространственно-временной анализ исторического ландшафтоведения в Южной Сибири / Историко-географические исследования Южной Сибири. – Иркутск: изд. ИГ СО РАН, 1998.
14. Шведов В.Г., Волынчук А.Б. Территориальные особенности аборигенного освоения бассейна Амура в верхнем неолите // География и природные ресурсы. – 2006. - № 3. – С. 118-125.

¹ - Арсеньев, по изд. 1997.